

Если искать одно слово для определения танцевальной манеры Майи Плисецкой, первым приходит на ум «праздник». Когда смотришь на этот стремительный монолог глаз, рук, ног, всего тела актрисы, испытываешь не только радость. Для каждого человека — и молодого, и старого, и красивого, и не очень, и «очень не» — при виде этого пламени танца представления о красоте получают осязаемость. В этом эстетическое утешение балета: пусть тебе не суждено стать прекрасным — вот она, красота!

Мы знаем Плисецкую в «Лебедином озере», «Спящей красавице» и «Раймонде», помним ее Зарему из «Бахчисарайского фонтана», вакханку из «Вальпургиевой ночи», Китри из «Дон-Кихота». Но, может быть, ни в одной роли не раскрывалась ее танцевальная душа с такой силой, искрометностью, как в «Кармен» — балетной сюите, поставленной кубинским режиссером Альберто Алонсо.

...Хозе (Н. Фадеечев) выходит на сцену почти строевым шагом. Он как будто запрограммирован движениями своего коррехидора (А. Лавренюк), сложными пируетами воинского обряда.

ПРАЗДНИК ТАНЦА

*Творческий вечер
Майи Плисецкой
в Большом театре*

Кармен — Плисецкая начинает танец-разговор с ним, стремится его расколдовать, вывести из заученного состояния, заразить свободой чувств и движений.

А потом появляется тореро (С. Радченко), он идет осторожной, напряженно медлительной походкой, точно рассчитанной — каждое неверное движение может стоить жизни. С Хозе Кармен играла. Здесь уже идет совсем иная игра — со смертью. Они два смертника — тореро и Кармен. Ему угрожают рога быка, ей — нож Хозе. Не насмешливо завлекающая плясунья — она идет теперь по самой кромке жизни-смерти.

Музыка Бизе, талантливо переложенная Р. Щедринным на струнные и ударные, звучит здесь скорее как взвол-

нованное воспоминание о Бизе, в ней нет оперной многозвучности.

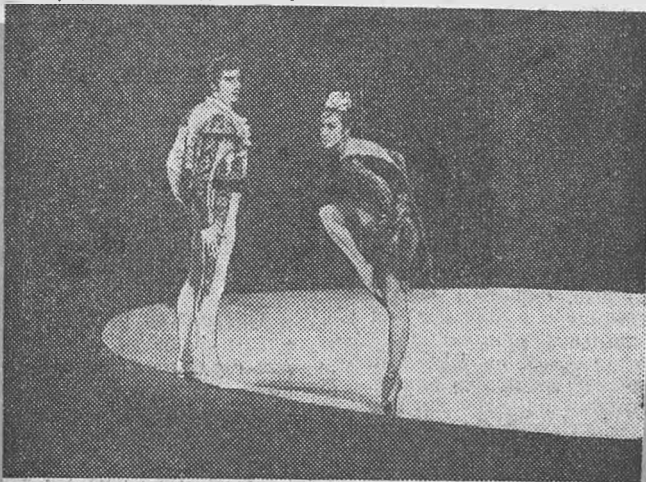
Кармен сидит перед тореро, отстранившись вперёд, с откинутой назад ногой, похожая на цветок на длинном стебле — его обязательно срежут. Можно ли сказать сильнее, что любовь всегда права и всегда подсудна?

И последний удар тореро, и удар Хозе, убивающего Кармен. Она, пораженная насмерть, поднимается, спорит со смертью, снова принимает почти прежнюю вызывающую, победно дразнящую позу и падает, чтобы уже не подняться.

Мысль о стихийности человеческого чувства обрела в этом спектакле физическую реальность. Именно в ней поэзия и поэтика танца — кричаще раскованного, непривычного в своей размашистости смелости. Кармен стоит не только на пуантах, а на пятке с дерзко и весело поднятым носком.

Все тут крупно, резко, все гиперболично: страсти, музыка, арена боя — она же арена жизни, на которой Кармен — Плисецкая ведет свой гибельный и праздничный танец.

3. ПАПЕРНЫЙ

«Кармен-сюита»

Кармен — М. Плисецкая, Тореро — С. Радченко.